

Научная статья

УДК 323

doi: 10.17223/1998863X/88/21

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУР, ОРИЕНТИРОВАННЫХ НА ДУХОВНУЮ АКТИВНОСТЬ

Нина Гаррьевна Щербинина¹, Елена Григорьевна Аванесова²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *sapfir.19@mail.ru*

² *avanesovafsf@yandex.ru*

Аннотация. Обосновывается зависимость специфики политической коммуникации от преобладающей культурной модели (внутренней или внешней). В данной связи подчеркивается существование двух политических коммуникаций: глобальной и национально-государственной. В качестве примера последней рассматривается шиитский Иран, политическая элита которого создает смысловой мир, основанный на идее веляят-е факих, легитимирующей политико-правовую систему современного государства.

Ключевые слова: политическая коммуникация, культура, духовная активность, автокоммуникация, шиитский Иран, политический миф

Для цитирования: Щербинина Н.Г., Аванесова Е.Г. Политическая коммуникация в контексте культур, ориентированных на духовную активность // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 88. С. 240–249. doi: 10.17223/1998863X/88/21

Original article

POLITICAL COMMUNICATION IN THE CONTEXT OF CULTURES ORIENTED TOWARD SPIRITUAL ACTIVITY

Nina G. Shcherbinina¹, Elena G. Avanesova²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *sapfir.19@mail.ru*

² *avanesovafsf@yandex.ru*

Abstract. Political culture, through modeling, organizes relevant political communication. For this reason, political cultures are divided into two types: those oriented toward the transmission of information or those oriented toward the reception of a code. Cultures with a predominantly autocommunication model are dominated by “spiritual activity” and form closed semantic worlds. Since communicative messages are recoded, political myth is used as “code 2.” Political myth is a story of a heroic journey, and the constitutive element of mythmaking is the creation of an enemy image. This text possesses the quality of “asemantics,” meaning it conveys its structure rather than merely testifies to events. As a result, myth becomes a framework for interpreting political content. It aligns with traditional values and promotes the sacralization and legitimization of power. As a result, two autonomous political communications emerge within the communication space. The first is a global network communication based on specific “protocols.” The second is national-state political communication based on “traditional values.” It typically involves recoding messages in religious and cultural codes. A striking example of a culture oriented toward autocommunication is Shiite Iran. After the revolution, the country embarked on a course toward building an Islamic state, the political system of which is formed based on the

principle of velayat-e-faqih. Essentially, this is a new interpretation of the old political myth narrating the rule of the twelve holy imams, the last of whom disappeared or went into hiding. Shiites believe in the return of Imam Mahdi. Ayatollah Khomeini substantiated the idea that during the period of awaiting the Mahdi, the country should be ruled by an authoritative faqih. Today, political myth serves as a legitimization of the Rahbar's authority. The government creates a semantic world based on the Shiite political myth and characterized by duality. Everything internal, grounded in traditional values, is declared good. Externality, understood as foreign influence that destroys ideological monopoly and introduces an alien culture contrary to Islamic values, embodies evil. The political culture of modern Iran has established a specific character of political communication within the state, characterized by secrecy, the sacralization of political discourse, the reproduction of religious narratives legitimizing the authority of the Rahbar and the political system as a whole, and the creation of an enemy image opposed by the bearers of genuine Islamic culture.

Keywords: political communication, culture, spiritual activity, autocommunication, Shiite Iran, political myth

For citation: Shcherbinina, N.G. & Avanesova, E.G. (2025) Political communication in the context of cultures oriented toward spiritual activity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 88. pp. 240–249. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/88/21

Культура производит коммуникацию, а поскольку социальный мир представляет собой мир социокультурный, то социальная коммуникация вообще и политическая коммуникация как ее разновидность зависят от культурных моделей коммуникации. Аналогично политическая культура, если под ней понимать «рамочный» смысловой политический мир, производит политическую коммуникацию. В данной статье речь пойдет о культурах, в которых преобладает модель автокоммуникации в противовес культурам, где превалирует модель внешней коммуникации. Преобладание одной из моделей задает не только особенности политической культуры, но и специфику самой политической коммуникации. Потому целью данной статьи является определение характерных признаков политической коммуникации в контексте культур, сфокусированных на духовной активности. В работе применен метод феноменологического анализа.

Мы исходим из посылки, что культура и коммуникация тесно связаны. Согласно Ю.М. Лотману, в культуре существуют две системы передачи сообщений, задающие две модели коммуникации: «Я – Он» и «Я – Я». В системе «Я – Он» неизменное сообщение при константном коде передается от одного носителя информации к другому. В системе «Я – Я» сообщение переформулируется и в результате этого приобретает новый смысл. При этом сообщение перекодируется и тем самым превращается в новое сообщение [1. С. 165]. Таким образом, первая модель показывает, что культура данного типа ориентирована на простую передачу информации, тогда как вторая модель, присущая культуре с преобладанием внутренней коммуникации, трансформирует информацию и вместе с ней вызывает конверсию самого «Я». Если «коллективная личность», как субъект коммуникации, определяется неким набором культурно значимых кодов, то в процессе внутренней коммуникации данный набор, по мнению Лотмана, меняется.

Итак, коммуникация «Я – Я» – это внутренняя коммуникация, а «Я – Он» – внешняя. Во внешней коммуникации текст сначала кодируется, и затем декодируется в одной системе значений, при этом текст представляет собой

переменную, и в результате потерь при передаче наблюдается уменьшение информации. Во внутренней коммуникации вводится другой код и с его помощью текст трансформируется, при этом информация возрастает за счет переводов штампов в тексты. Внешняя коммуникация ориентирована на получение сообщения, внутренняя коммуникация – на приобретение кода [2. С. 667]. Согласно Лотману, в конкретной культуре происходит переход от одной системы к другой по принципу маятника, при этом одна из систем, как правило, превалирует. И господствующая модель коммуникации задает культурные тексты [1. С. 176–177]. Более того, существуют устойчивые культурно-коммуникативные тенденции: одни культуры сосредоточены на сообщениях, другие – на духовной активности. Культуры, ориентированные на сообщения, более динамичны, количество передаваемых текстов здесь постоянно растет, и они дают «прирост знаний». Однако общество при этом коммуникативно разделено на «передающих» и «принимающих», что способствует склонности к умственному потребительству. Культуры, ориентированные на автокоммуникацию, практикуют именно духовную активность, но зато они заметно менее динамичны в сфере внешнего потребления информации [1. С. 177].

В культурах с преобладанием автокоммуникаций, производящих политическую коммуникацию, обязательно задействован в качестве второго кода, который используется для перекодирования сообщения, политический миф, произошедший, по сути, от архаического мифа. Имеется в виду текст, связанный синтагматическими отношениями, т.е. последовательным расположением элементов. Миф как изначальное явление архаической культуры постепенно превратился в асемантический текст. Это значит, что сами мифы-тексты не сообщают о каких-либо конкретных событиях. Тем самым миф становится «кодом 2» или «схемой организации сообщения» [1. С. 176]. По нашему мнению, последовательность расположения элементов в политическом мифе задает мифо-героическая история путешествия героя или моно-миф. Однако сегодняшняя коммуникация, преимущественно сетевая, символически конструирующая политическую медиареальность, использует главным образом один мифомотив – битву героя со злом. Поскольку образ антагониста в акте создания мира играет конституирующую роль, то с него и начинается творчество конструктивной политической власти, создающей смысловые миры, подменяющие в политической коммуникации объективную действительность. Модель врага традиционна – это змей, в европейской традиции – библейское зло. Символическая роль героя (героем может выступать и нация, репрезентируя национальное государство) связана с подвигом змеборчества. Стиль репрезентации образной сферы – обезчеловечивание врага.

Сегодня в глобальной сетевой коммуникации очевидно прослеживается тенденция к навязыванию внешней модели коммуникации. Но коммуникация связана с культурой, от этой базовой мысли мы изначально отталкивались в своих рассуждениях. Культурно ориентированная коммуникация, и политическая в том числе, должна происходить на основе общих ценностей, при этом социальные ценности политизируются. Однако, согласно М. Кастельсу, системы ценностей, разделяемой всем глобальным сетевым сообществом, так и не сложилось, не образовалась и единая глобальная сетевая культура. Имеется в виду, что не сформировался целостный глобальный смысловой мир.

Потому в глобальной коммуникации возникает специфическая ценность самой коммуникации ради коммуникации: «...общая культура глобального сетевого общества является культурой протоколов коммуникации, позволяющей осуществлять коммуникацию между различными культурами не на основе разделяемых общих ценностей, а на основе разделения ценностей коммуникации» [3. С. 56]. Это означает, что между различными национальными культурами, представленными национальными государствами, коммуникация на основе единых политических ценностей практически невозможна.

На базе сконструированной единой системы политических ценностей возможна только коммуникация внутри национально-государственного сообщества. Неудивительно в данной связи, что образовалось ценностное противостояние между «новыми западными ценностями» и специфическими «традиционными ценностями» некоторых культур, ориентированных на внутреннюю коммуникацию. А основу для концептуализации традиционных ценностей задают разные религиозные духовные системы. И потому все попытки наладить политическую коммуникацию одного национально-государственного субъекта с другими национально-государственными субъектами не дают эффекта успешной коммуникации ввиду препятствия, которое возникает при перекодировании сообщений в религиозно-культурных кодах. Конкретный пример подает и противопоставление «традиционных семейных ценностей» и «новых семейных ценностей», вынесенное в пространство сетевой коммуникации. Эти социальные по природе ценности политизируются, поскольку верность традиции или склонность к новизне в данном случае связывается со спецификой политического режима.

Таким образом, на основе ценностного обмена / ценностного противостояния возникли два типа коммуникации – глобальная и внутринациональная. Это разделение относится и к политической коммуникации, поскольку все основные социальные значения сводятся к политическим смыслам. Оба типа коммуникации существуют практически автономно, поскольку национальные коммуникации замкнуты в смысловом отношении. Они представляют собой буквально закрытые для внешнего общения «рамочные» смысловые миры или политические культуры, которые, в свою очередь, производят релевантную по типу политическую коммуникацию. А между национальными государствами в цифровую эпоху на основе репрезентации политических ценностей возможна лишь конфликтная коммуникация, исключая смысловой обмен. Отношения же носят антагонистический характер, и этот ценностный конфликт не поддается никакому урегулированию и не разрешается.

Особый интерес представляет то обстоятельство, что не существует таких религиозных систем, которые бы однозначно детерминировали модель политической коммуникации – внешнюю или автокоммуникацию – в том или ином национальном государстве. Однако можно говорить о преобладании типа коммуникации в зависимости от доминирующей в обществе религии. Так, для мусульманских государств более характерна автокоммуникация, в отличие, например, от стран с протестантским вероисповеданием. Многое зависит от того, какая роль отведена религии в публичной коммуникации государства: либо она является одним из её участников, либо становится монопольным источником конституирования политиче-

ских смыслов. Современный мир дает массу примеров таких стран, где традиционная религия создает условия для формирования политической культуры, ориентированной на автокоммуникацию. И, пожалуй, одним из самых ярких примеров такой культуры является шиитский Иран, политическая система которого базируется на единстве исламских и республиканских принципов.

Начало формированию нынешнего политического устройства страны положила исламская революция конца 70-х гг. прошлого века, лидером которой выступил религиозный и политический деятель Ирана аятолла Хомейни. Её ставят в ряд тех важных событий, которые ознаменовали собой начало постсекулярного периода в развитии современного общества, характеризующегося возвращением религии в публичную сферу. Ислам выступил мощной силой, при помощи которой была не только осуществлена политическая мобилизация и свергнут монархический строй, но и происходило «собрание» нового государства, создавался его политический дизайн, сохранивший свою значимость по сегодняшний день. На основе исламских ценностей лидером революции были сформулированы базовые идеологические принципы, составившие фундамент политико-правовой системы страны. И среди основных принципов, закрепленных в Конституции Ирана, – велаят-е факих, который, по сути, является новой интерпретацией старого шиитского политического мифа, характерного для шиитов имамитского направления. Суть его состоит в том, что после смерти Пророка Мухаммада мусульманской уммой управляли святые имамы, которых было двенадцать, и последний исчез или скрылся, получив наименование «двенадцатый скрытый имам». Имамита ожидают его возвращения в качестве Махди, который вернет в этот мир справедливость. И как считалось изначально, заместители «скрытого имама» не нужны, поскольку он невидимо руководит общиной шиитов. Но, как писал аятолла Хомейни, «вероятно, что имам века сего не вернется в течение длительного времени» [4], а справедливость нужна исламскому обществу сегодня, поэтому управлять государством должен факих, который «замещает» скрытого имама. Такую позицию иногда называли еретическим отклонением от традиционного шиизма [5. С. 164], но Хомейни обосновал свою позицию тем, что в ожидании Имама мусульмане не могут откладывать предписания ислама, «и, соответственно, необходимо иметь Исламское правительство ради того, чтобы претворять в жизнь Исламские законы и не давать антиисламским силам проникать в мусульманские страны» [4]. По сути, аятолла Хомейни внес новые политические смыслы в старый политический миф, важной характеристикой которого становится незавершенность.

Вышеупомянутый миф выполняет функцию легитимации существующего политического порядка и властных полномочий лидера страны (рахбара), большой перечень которых представлен в Конституции Ирана. И несмотря на то, что в государстве традиционно наличествуют три ветви власти, все они «функционируют под контролем абсолютного правления имама» [6]. В целом сфера государственного управления Республики Иран имеет довольно сложный дизайн со множеством «элементов», с закрепленной системой сдержек и противовесов, но уже при первом приближении видно, что одной из важнейших задач каждого властного элемента является контроль за соблюдением

остальными исламских принципов. Для этого существуют строгие требования, касающиеся религиозной принадлежности кандидата на ту или иную политическую позицию. Так, кандидат на должность рахбара должен продемонстрировать компетентность в вопросах мусульманского права, быть набожным, иметь «правильное политическое и социальное мировоззрение» [6]. Назначает рахбара Ассамблея экспертов, являющаяся выборным органом, в состав которого входят муджтахиды (авторитетные исламские богословы-правоведы). При высшем руководителе действует несколько институтов, один из них – Совет стражей Конституции, состоящий наполовину из представителей исламского духовенства. Вторым по значимости лицом в стране является президент, который, согласно Конституции, должен выбираться из религиозно-политических деятелей, отвечающих следующим требованиям: иранское происхождение, гражданство Ирана, распорядительность и организационные способности, достойная биография и набожность, религиозность, вера в основы Исламской Республики и принадлежность к официальной религии страны [6]. Это обстоятельство указывает на то, что высшая власть в республике если и не полностью принадлежит мусульманским религиозным лидерам, то, во всяком случае, требует обязательного исламского вероисповедания от всех её носителей.

Опора на традиционные ценности представляется руководством страны не только как основа особого пути государства, противопоставляющего себя как западной, так и мусульмано-суннитской цивилизациям, но и залогом сохранения духовного и политического суверенитета государства. Поэтому главная задача рахбара состоит в поддержании и воспроизводстве политической коммуникации, построенной на исламской, а точнее шиитской, системе ценностей. Особую роль в сохранении важности данной коммуникации играет образ врага, который олицетворяет собой мировое зло. В недавнем выступлении в Большой мечети Тегерана Али Хаменеи в очередной раз подтвердил, что главными врагами Ирана являются Соединенные Штаты и Израиль [7]. Но если есть враг, должны быть и воины, которые будут с ним бороться. Таковыми рахбар в одной из своих речей назвал граждан Ирана, подчеркнув их великую миссию – быть солдатами скрытого имама [8]. В высказываниях Али Хаменеи звучат и мессианские мотивы: «...придет время, когда все угнетатели мира будут уничтожены и человечество вступит в просвещенную эру имама Махди» [8], который вернёт в этот мир справедливость. Никто не знает, когда вернется имам, но уже сегодня можно приближать его приход, выстраивая справедливое общество, живущее на основе законов, созданных, как писал аятолла Рухулла Хомейни, «творцом, Всемогущим Аллахом» [4]. Таким образом, власть самолегитимируется через постоянное воспроизводство собственных нарративов.

Вестернизация и проникновение в страну западных ценностей рассматриваются властями Ирана как «пагубный процесс». В свою очередь, препятствием к их вторжению объявляется доминирование в обществе исламской культуры, которая должна охватить все сферы жизни населения – и личную, и общественную. В Иране функционирует Высший совет культурной революции, который имеет огромные полномочия и основными задачами которого являются, с одной стороны, сохранение и закрепление культурного уклада (кода) страны, сформированного на основе исламских

ценностей, а с другой – «борьба с западными влияниями в культурной сфере» [9. С. 7]. Особая роль в этой борьбе отводится сфере образования, одной из функций которой становится передача молодому поколению традиционных ценностей. Высший совет имеет значительные полномочия, по сути, он выполняет функцию квазизаконодательного регулирования сферы культуры [9. С. 14], которая в целом носит «охранительный» характер и нацелена на сохранение ценностей и смыслов, закрепленных в Коране и развитых в шиитской политической доктрине в целом и в учении аятоллы Рухоллы Хомейни в частности.

Властные структуры регулируют производство и передачу политических смыслов посредством контроля средств массовой информации. В Конституции Ирана сказано, что «на телевидении и радио Исламской Республики Иран обеспечивается свобода слова и распространения мыслей и идей при условии соблюдения исламских норм...» [6]. Согласно Конституции ИРИ рахбар лично назначает председателя телерадиовещательной Организации «Голос и образ Исламской Республики Иран» (IRIB), что указывает на подконтрольность крупнейшей в стране медиа факиху, занимающему пост верховного лидера Ирана. Ряд других государственных СМИ формирует и транслирует населению контент, отвечающий современной политической повестке государства, к таковым можно отнести Информационное агентство Исламской Республики (ИРНА), которое осуществляет вещание на нескольких языках, в том числе и на русском. Между тем нельзя не отметить, что современная активная цифровизация медиа затронула и иранское общество, поэтому властям государства всё труднее контролировать новые каналы распространения информации.

Политическая коммуникация, выстраиваемая на исламских ценностях, является на сегодняшний день раздражителем для многих политических акторов как внутри государства, так и за его пределами. Внутри таковым является оппозиция, которая не раз устраивала массовые протесты против государственного строя Исламской Республики. Лидеры оппозиции выражают недовольство господством ислама во всех сферах жизни общества и регулярно говорят о необходимости перехода к светской модели государственного устройства. Последние крупные протесты в ИРИ прошли в 2022 г., и причиной их стала гибель девушки, задержанной полицией нравов за нарушение исламского дресс-кода [10. С. 214]. Выступления быстро переросли в требование ликвидации исламского режима. Летом 2025 г. Мир-Хосейн Мусави, бывший премьер-министр Ирана, выступил с инициативой проведения референдума о переходе к светской модели государственного устройства. Эту инициативу поддерживает часть политических деятелей Ирана, поскольку они полагают, что система веляят-е факих полностью себя дискредитировала.

Внешними акторами являются не только страны с либеральной формой правления, но и иранская политическая эмиграция. Вооруженный конфликт между Ираном и Израилем, начавшийся летом 2025 г., был воспринят некоторыми представителями эмиграции как шанс на свержение исламского режима. Так, по сообщениям некоторых источников, Реза Пехлеви, глава правящего дома в изгнании, призвал иранский народ к восстанию [11]. Таким образом, Иран переживает сегодня непростые времена:

страна занимает второе место по количеству международных санкций (после РФ, которая опередила Иран после 2022 г.), что сильно сказалось на её экономике, торговле и т.д. Ситуация осложняется открытой военной конфронтацией с Израилем. Однако в этой ситуации иранские власти по-прежнему делают ставку на религиозный фактор, который, по их мнению, призван выполнять так необходимые на сегодняшний день мобилизационную и интеграционную функции в обществе.

Политическая культура современного Ирана, сформированная на основе шиитской доктрины вelayат-е факих и ориентированная на духовную активность, задаёт специфический характер политической коммуникации в государстве. Этой культуре присущи ярко выраженные мессианские и сотериологические черты. Шииты всегда были в абсолютном меньшинстве в мусульманско-суннитском мире, что способствовало в какой-то мере их закрытости, пониманию особой важности сохранения своей конфессиональной идентичности и необходимости сопротивления злу и несправедливости, направленному против них. Всё это повлияло на то, что в Иране сформировалась политическая культура, в которой преобладает модель автокоммуникации. Власть создаёт смысловой мир, основанный на шиитском политическом мифе и характеризующийся дуальностью: в нём присутствует как добро, так и зло. Олицетворением добра является властвующая элита, целью исламского правления которой провозглашается «рост человеческой личности в направлении божественного строя» [6]. Внешнее, понимаемое как чужое влияние, разрушающее идеологический монополизм и приносящее чуждую культуру, противную исламским ценностям, олицетворяет зло. Вся политическая система Ирана построена на воспроизводстве заданной – шиитской – картины мира. Религиозные смыслы, вносимые в политическую коммуникацию, активно используются властью для мобилизации общественной поддержки, легитимации политической элиты и политического курса. Таким образом, иранская модель политической коммуникации характеризуется закрытостью, сакрализацией политического дискурса, воспроизводством религиозных нарративов, легитимирующих властные полномочия рахбара и политическую систему в целом, созданием образа врага, которому противостоят носители подлинной исламской культуры.

Список источников

1. *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров // Семиосфера. СПб. : Искусство. СПб, 2001. С. 150–390.
2. *Лотман Ю.М.* О двух моделях коммуникации и их соотношении в общей системе культуры // Семиосфера. СПб. : Искусство. СПб, 2001. С. 666–668.
3. *Кастельс М.* Власть коммуникации. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
4. *Имам Рухулла Хомейни* Столпы исламского государства // Отечественные записки. 2003. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/5/stolpy-islamskogo-gosudarstva.html> (дата обращения: 31.10.2025).
5. *Имаков Т.З., Семедов С.А.* Хомейнизм – идеология политического ислама // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 162–170.
6. *Конституция Ирана* // Россия: Библиотека Пашкова. URL: <https://constitutions.ru/?p=140> (дата обращения: 01.11.2025).
7. *Али Хаменеи* назвал главных врагов Ирана // IslamNews. URL: <https://islamnews.ru/2025/3/31/ali-khamenei-nazval-glavnykh-vragov-irana> (дата обращения: 03.11.2025).

8. Верховный лидер Ирана призвал готовиться к войне и Судному дню // Lenta.Ru. URL: <https://lenta.ru/news/2012/07/11/ayatolla/> (дата обращения: 03.11.2025).

9. Выцлан С.Е. Эволюция правового статуса Высшего совета культурной революции Исламской Республики Иран // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18, № 4. С. 5–15.

10. Филлин Н.А., Ходунов А.С. Реакция иранских органов власти на массовые протестные выступления осени 2022 г. // Власть. 2024. № 1. С. 214–219.

11. Изгнанный наследный принц Ирана призвал к свержению Хаменеи // Сегодня. URL: <https://segodnya.co.il/news/izgnannyj-naslednyj-prints-irana-prizval-k-sverzheniju-hamenei/> (дата обращения: 03.11.2025).

References

1. Lotman, Yu.M. (2001) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo. SPB. pp. 150–390.

2. Lotman, Yu.M. (2001) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo. SPB. pp. 666–668.

3. Castells, M. (2016) *Vlast' kommunikatsii* [The Power of Communication]. Moscow: HSE.

4. Imam Ruhollah Khomeini. (2003) *Stolpy islamskogo gosudarstva* [Pillars of the Islamic State]. *Otechestvennyye zapiski*. 5. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/5/stolpy-islamskogo-gosudarstva.html> (Accessed: 31st October 2025).

5. Imanov, T.Z. & Semedov, S.A. (2010) Khomeynizm – ideologiya politicheskogo islama [Khomeinism – the ideology of political Islam]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 4. pp. 162–170.

6. *The Constitution of Iran*. [Online] Available from: <https://constitutions.ru/?p=140> (Accessed: 1st November 2025).

7. *IslamNews*. (2025) Ali Khamenei nazval glavnykh vragov Irana [Ali Khamenei named Iran's main enemies]. 31st March. [Online] Available from: <https://islamnews.ru/2025/3/31/ali-khamenei-nazval-glavnykh-vragov-irana> (Accessed: 3rd November 2025).

8. Lenta.ru. (n.d.) *Verkhovnyy lider Irana prizval gotovit'sya k voyne i Sudnomu dnyu* [Iran's Supreme Leader Called for Preparations for War and Judgment Day]. [Online] Available from: <https://lenta.ru/news/2012/07/11/ayatolla/> (Accessed: 3rd November 2025).

9. Vytslan, S.E. (2022) Evolyutsiya pravovogo statusa Vysshego soveta kul'turnoy revolyutsii Islamskoy Respubliki Iran [Evolution of the Legal Status of the Supreme Council of the Cultural Revolution of the Islamic Republic of Iran]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 18(4). pp. 5–15.

10. Filin, N.A. & Khodunov, A.S. (2024) Reaktsiya iranskikh organov vlasti na massovyie protestnyie vystupleniya oseni 2022 g. [The Reaction of Iranian Authorities to the Mass Protests of Autumn 2022]. *Vlast'*. 1. pp. 214–219.

11. Segodnya. (n.d.) *Izgnannyi naslednyj prints Irana prizval k sverzheniyu Khamenei* [Iran's Exiled Crown Prince Calls for Khamenei's Overthrow]. [Online] Available from: <https://segodnya.co.il/news/izgnannyj-naslednyj-prints-irana-prizval-k-sverzheniju-hamenei/> (Accessed: 3rd November 2025).

Сведения об авторе:

Щербинина Н.Г. – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии ФИПН Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sapfir.19@mail.ru

Аванесова Е.Г. – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии ФИПН Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: avanesovavsf@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Shcherbinina N.G. – Dr. Sci. (Political Science), docent, professor at the Department of Political Science, Faculty of History and Political Sciences, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sapfir.19@mail.ru

Avanesova E.G. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor at the Department of Political Science, Faculty of History and Political Science, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avanesovafsf@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.11.2025;
одобрена после рецензирования 23.11.2025; принята к публикации 09.12.2025*
*The article was submitted 14.11.2025;
approved after reviewing 23.11.2025; accepted for publication 09.12.2025*